

ений (последнее чаще бывает представлено нулевым вариантом) обычно наблюдается более или менее отчетливо ощущаемое противопоставление двух участников ситуации, как в только что приведенном примере. Поэтому распространенное представление, согласно которому обобщенно-личное значение 2-го лица единственного числа — это именно обобщенно мыслимое лицо с доминирующим адресатным значением («ты, так же как и я и любой на моем месте» [Золотова 1982: 110]), нуждается в некотором уточнении.

Следует, впрочем, отметить, что есть определенные ограничения совместного появления обобщенно-личного *Ø/ты* и адресатного *ты*. Это последнее должно занимать по отношению к *Ø/ты* подчиненную позицию, что возможно в двух случаях: 1) адресатное *ты* стоит в косвенном падеже при глаголе, подлежащим которого является местоимение *Ø/ты* в нулевом варианте; 2) адресатное *ты* занимает позицию подлежащего в несамостоятельном предложении, семантически подчиненном предложению с *Ø/ты*-подлежащим (как в приведенном выше примере из Высоцкого). В предложениях с адресатным *ты* в роли подлежащего обобщенно-личный объект не может выражаться косвенным падежом ненулевого варианта местоимения *Ø/ты* — в случае необходимости здесь используются другие средства выражения обобщенно-личного значения, например косвенный падеж лексемы *человек*, как в следующем примере: *Ты — женщина замедленного действия. Ты не сразу начинаешь действовать на человека в полную силу. У тебя очень удачно поставлены глаза, они могут, не отвлекаясь, заниматься своей основной специальностью: поражать человека* (А. Володин). Ср. аномальные предложения, получающиеся в результате замены словоформы человека ненулевым вариантом обобщенно-личного местоимения: *Ты — женщина замедленного действия. *Ты не сразу начинаешь действовать на тебя в полную силу. ... *У тебя очень удачно поставлены глаза, они могут... поражать тебя* (А. Володин). Обратим внимание на то, что если бы в пьесе А. Володина шла речь о свойствах не адресата, а некоторого «третьего» лица (т. е. если бы в высказывании отсутствовало бы адресатное *ты* в позиции подлежащего), употребление косвенного падежа обобщенно-личного *Ø/ты* было бы вполне возможно: *Она — женщина замедленного действия. Она не сразу начинает действовать на тебя в полную силу. ... У нее очень удачно поставлены глаза, они могут заниматься своей основной специальностью: поражать тебя*.

Те же ограничения на встречаемость адресатного и обобщенно-личного местоимений 2-го лица отражены в следующем отрывке из пьесы Льва Толстого дочери, приводимого в книге Т. Л. Сухотиной-Толстой: *Мне иногда без вас, двух дочерей, грустно, ...хоть и не говоришь, а знаешь, что тебя понимают и любят то, что ты не то, то любишь, а чем живешь*. Здесь обобщенно-личное местоимение в

нулевым (подлежащее при *говоришь, знаешь, живешь*) и ненулевым (*тебя, ты*) вариантах реально соотносится с самим пишущим (обозначенном в самом начале отрывка местоимением 1-го лица *мне*), а нулевое подлежащее при глаголах *понимают, любят* — с адресатом (обозначенном в начале отрывка местоимением 2-го лица *вас*). Эта же, в сущности, мысль могла бы быть выражена в несколько более «персональном» ключе, с использованием других местоимений и других личных глагольных форм, более непосредственно указывающих на реальных партиципантов описываемой ситуации: *...хоть и не говорю, а знаю, что вы меня понимаете и любите то, что я не то, что люблю, а чем живу*. Однако указание на «объект понимания» при помощи винительного падежа обобщенно-личного местоимения (*тебя*) автоматически влечет за собою соответствующий сдвиг в выражении «субъекта понимания», поскольку присутствие в одной предикации косвенного падежа обобщенно-личного местоимения и именительного падежа адресатного местоимения 2-го лица, как говорилось выше, исключается: невозможно **...хоть и не говоришь, а знаешь, что вы тебя понимаете и любите*.

2. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НУЛЕВОГО МЕСТОИМЕНИЯ $\emptyset_{3МН}$

Местоимение $\emptyset_{3МН}$ обладает совсем иными референциальными свойствами. Оно всегда бывает подлежащим и может характеризоваться различными типами референции: при наличии рестриктивного определения — определенным (*В институте его очень ценят*), при отсутствии такового — неопределенным, если предикат имеет конкретную временную локализацию (*Стучат, откройте*), и генерализованным, если предикат не локализован во времени (*Скоро бегут, дальних не ждут*). Возможность неопределенной референции, нехарактерной для личных местоимений, оправдывает традиционное название для соответствующих предложений — «неопределенно-личные». Во всех случаях референция производится к «посторонним», к лицам, из числа которых исключается протагонист. Поэтому нормально $\emptyset_{3МН}$ не может относиться к говорящему (поскольку, если говорящий участвует в ситуации, нормально именно он находится в фокусе эмпатии). Исключением являются высказывания со смещенной эмпатией типа *Говорят тебе...; Тебе про Фому говорят, а ты про Ерему; Да тебе же добра желают, пойми!*

Коснемся вопроса о том, может ли $\emptyset_{3МН}$ быть кореферентно с другими обозначениями лиц. Рассмотрим отдельно случаи, когда $\emptyset_{3МН}$ относится к референту, ранее упомянутому в тексте, и случаи, когда $\emptyset_{3МН}$ служит или могло бы служить антецедентом анафорической отсылки.

В случаях, когда использованию $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ предшествует обозначение того же референта посредством ИГ с признаком «определенность» (собственного имени, личного местоимения, определенной дескрипции), $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ оказывается близким личному местоимению 3-го лица: *Она навстречу, как сурова! Его не видят, с ним ни слова* (А. Пушкин); *Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, уважали, коли задумались* (А. Чехов); *Вскоре в обращении Дуси со мной я ощутила снисходительность... говорили со мной свысока* (Н. Ильина); *В глубине души я завидовала тем, кто подходил к Корнею Ивановичу и кого он дружески обнимал, расточая улыбки и добрые слова. Среди подходивших были люди, казавшиеся мне ничтожными, даже дурными. Но и их обнимали, и им говорили что-то ласковое* (Н. Ильина). В то же время использование $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ позволяет представить ситуацию более обобщенно, так что замена $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ на какое-либо обозначение, кореферентное antecedенту, несколько меняет смысл. Особенно показателен следующий пример: *Прощаясь, Ипполитов поцеловал ей руку. Впервые в жизни ей целовали руку* (Д. Гранин). Здесь налицо фактическое совпадение субъектов первого и второго предложения, однако, по-видимому, подлинной кореферентности нет (а, скорее, имеет место «частичная равносильность» в смысле работы [Падучева 1974]). Замена $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ на он (или Ипполитов) привела бы к изменению условий истинности: предложение *Впервые в жизни Ипполитов/он целовал ей руку*, в отличие от исходного предложения, могло бы быть истинно, даже если бы другие целовали «ей» руку и раньше.

В только что рассмотренных примерах использованию $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ предшествовало обозначение того же лица посредством ИГ с признаком «определенность». Возможно и использование $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ при неопределенном antecedенте: *Мамочка, ...его кто-то лупит по шее... а теперь его гонят в три шеи* (Е. Шварц); *В феврале мне кто-то передал, чтобы я ... непременно явилась в школу. Мне сообщили, что на этот раз школьный спектакль обещала поставить профессиональная актриса* (Н. Ильина). Лишь в такой последовательности кто-то и $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ могут пониматься как относящиеся к одному и тому же референту. При обратной последовательности (*В феврале мне передали... Кто-то сообщил мне или Его лупят по шее... А теперь его кто-то гонит в три шеи*) местоимение кто-то воспринималось бы как вводящее новое лицо, отличное от субъекта предшествующего предложения.

Итак, $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ способно выступать при повторной номинации лица. С другой стороны, оно никогда не выступает в интродуктивной функции. Оно не вводит референта в поле зрения адресата речи и потому обычно не может быть antecedентом личного местоимения. Так, последовательности *В дверь позвонили. Я *ему/*им открыл* или *Если тебя обидели, прости *ему/*им* аномальны (следует использовать де-

скрипцию: *В дверь позвонили. Я открыл звонившему; Если тебя обидели, прости обидчику*). Ср. использование дескриптивного обозначения лица, названного ранее посредством $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$: *«Что ж это, товарищ Березкин, а мне про вас говорили как о человеке храбром, спокойном»*. Березкин молчал, вздохнул, должно быть, говоривши [они/*он] ошиблись в нем (В. Гроссман); *На Садовую, конечно, съездили и в квартире № 50 побывали. Но никакого Коровьева там не нашли... С тем и уехали с Садовой, причем с уехавшими [*с ними] отбыл секретарь домоуправления Пролежнев* (М. Булгаков). В следующем диалоге использование местоимения они в соответствии с antecedентом, выраженным $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$, производит впечатление некоторой шероховатости: *А что, говорят, я хорошо сохранилась. — Не верьте, они преувеличивают* (А. Володин). Ср. также приводимый в статье [Шмелев 1961] пример, который характеризуется там как каламбурное переосмысление формы 3-го лица множественного числа: *О этом не говорят так... — Они не говорят, я — говорю* (М. Горький).

Лишь в случае определенности местоимения $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ в контекст рестриктивного локализатора анафорическая отсылка к нему оказывается приемлемой (разумеется, такое употребление $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ не является интродуктивным): *Дома отнеслись к моему плану отрицательно. Уж лучше бы я им ничего не говорил; На кафедре диссертацию, конечно одобрили — они всегда снисходительны к своим аспирантам; Мы звонили из Академии. — И что они тебе сказали?*

Мы видели, что в целом референциальные возможности $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ весьма разнообразны. В то же время в предложениях некоторых типов референциальный потенциал $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ оказывается значительно более ограниченным. Так, в сочетании с предикатами свойства или состояния референт $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ должен, как правило, быть ограничен посредством локального или темпорального локализатора и характеризоваться определенной локализацией: *На Руси того времени хорошо понимали, что чума — это эпидемия, болезнь; В Средние века еще более преданы были этому суеверию* (А. Погорельский). Еще более жесткие ограничения касаются часто проходящего мимо внимания исследователей употребление пассивных конструкций с $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ -подлежащим (ср. [Князев 1978: 128]): *В редколлегии были заблаговременно подготовлены к этому повороту (из журнала); В верхней одежде не обслуживаются (объявление в буфете); В театре были совершенно очарованы ею (но едва ли естественно: *На балу были совершенно очарованы ею, поскольку локализатор на балу указывает не на постоянное место, а на эпизодическое пребывание и поэтому не способен индивидуализировать референт нулевого местоимения).*

Впрочем, все референциальные ограничения, связанные с употреблением $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ имеют семантическую мотивацию. Дело в том, что, в отличие от \mathcal{O} /ты, местоимение $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ никогда не соотносится с лицом,

ходящимся в фокусе эмпатии. Референт $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ — это всегда «другие», пользование $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ выражает своего рода «отчуждение». При использовании таких конструкций говорящий как бы смотрит на субъекта действия «со стороны». Взгляд «со стороны», «объективация» имеет место, когда речь идет об объективном законе, существующем независимо от воли отдельных лиц: *Цыплят по осени считают; Снявши голову, по волосам не плачут; У нас не курят; Лежачего не бьют; ночью в гости не ходят* (А. Вампилов). В таких предложениях мы имеем гномический предикат и генерализованное прочтение субъекта, выраженного посредством $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$.

Если же описывается действие, локализованное во времени, знание «отчуждения» предполагает наличие некоторой точки отсчета, роли которой может выступать другой партиципant (протагонист) рассматриваемой ситуации или «наблюдатель». В случаях, когда наблюдатель и другие партиципantы отсутствуют, неопределенно-личные конструкции аномальны. Так, например, предложение *Когда влюблены, то часто приходится говорить не прямо о любви* (В. Шкловский) неопределенно-личным придаточным представляется отклоняющимся от нормы¹⁹⁹. Ср. грамматически корректное неопределенно-личное предложение с тем же именным сказуемым: *Женщина всегда чувствует, когда в нее влюблены, даже если ей не говорят о любви*, — где точка отсчета — объект влюбленности. Что же касается примера из Шкловского, то более адекватным выражением подразумеваемого смысла было бы, очевидно, предложение *Когда человек влюблен, то ему часто приходится...* или же обобщенно-личное предложение с $\mathcal{O}/\text{ты}$, обозначающим протагониста, — *Когда ($\mathcal{O}/\text{ты}$) влюблен, то ($\mathcal{O}/\text{тебе}_{\text{dat}}$) часто приходится...* Подобным же образом аномальное **В пансионате сыты* может быть сопоставлено с правильными *В пансионате хорошо кормят* (где точка отсчета — тот или те, кого кормят) или *В пансионате сыты, по крайней мере, сыт*.

Высказывание *Дома в ужасе* может быть ответом на вопрос *Как и это реагировали дома?* (точка отсчета — «это»), но аномально в ответ на вопрос *Что творится дома?* Из правила о необходимости точки отсчета в неопределенно-личных предложениях следует, в частности, что эпизодические одноактантные предикаты могут быть употреблены лишь при наличии наблюдателя: *Вижу: бегут по улице, кричат; стенаю храпят; Вот опять окно, где опять не спят* (М. Цветаева); *вокруг меня женятся и выходят замуж* (Н. Иванова-Романова).

Даже при отсутствии эксплицитного указания на наблюдателя в неопределенно-личном предложении с эпизодическим предикатом са-

¹⁹⁹ Аномальность этого предложения связана и с тем, что нулевой субъект придаточного предложения должен быть кореферентен дативу при *приходит* — а употребление в косвенных падежах для $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ нехарактерно.

ма конструкция указывает на то, что ситуация описывается с «точки зрения» кого-то отличного от субъекта данного предложения. Так, в следующем примере использование неопределенно-личного предложения при описании визита французских дам к А. А. Реформатскому подчеркивает, что описание ситуации ведется с точки зрения дам: *Дамы пришли. Им помогли снять пальто, поцеловали ручки, сказали какие-то вежливые фразы и удалились* (Н. Ильина). Точно так же в приводившемся выше примере *Как сурова! Его не видят, с ним ни слова* выбор средств указания на участников описываемой сцены (Онегин является референтом местоимений *его, с ним*, а Татьяна — референтом $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$) является одним из формальных показателей того, что вся ситуация в данной части романа описывается с точки зрения Онегина (об этом свидетельствуют и другие используемые здесь средства: восклицание *Как сурова!*, предполагающее внешнего наблюдателя, употребление несобственно-прямой речи, принадлежащей Онегину).

Рассматриваемая особенность объясняет исключение говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего, характерное, как отмечают исследователи, для неопределенно-личных предложений²⁰⁰. Можно утверждать, что в обычных условиях, когда ситуация описывается с точки зрения говорящего, референция к нему не может производиться при помощи $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$. В этом одно из отличий рассматриваемого здесь значения «отчуждения» от родственного явления «рецессии» субъекта (термин Ж. Веренка [1985: 290]), возникающего при трансформации пассивизации. Так, высказывание *Работу закончили в пять часов* неуместно, если речь идет о работе, выполненной говорящим, в отличие от высказывания *Работа была закончена в пять часов*, где такого запрета нет. Ср. фразу из дневника Сухова-Кобылина: *В 1854 году... была окончена и комедия «Свадьба Кречинского»* (неназванный агент — сам автор высказывания). Упомянем также часто используемые в текстах научных работ обороты *как уже отмечали ранее* и *как уже отмечалось ранее*: в первом случае автор ссылается на других исследователей, а во втором — это, скорее всего, метатекстовая отсылка к собственному тексту. То же самое относится и к выражениям из устных докладов *как здесь уже говорили* (ссылка на выступления других участников конференции) и *как здесь уже говорилось* (нев्यраженный агент, скорее всего, указывает на самого автора доклада). Ср. также различие между предваряющим вопросом безличным пассивом *Спрашивается:...?* (риторический вопрос, исходящий от самого автора) и неопределенно-личным *Спрашивают:...?*, где $\mathcal{O}_{3\text{мн}}$ указывает на других лиц. Именно тот факт, что невыраженный агент в пассивной кон-

²⁰⁰ См., например, [Guiraud-Weber 1984: 67]; М. Гиро-Вебер упоминает далее высказывания типа *Вам русским языком говорят*, справедливо оценивая их как стилистически маркированные, периферийные и «несущественные с точки зрения грамматики» [Guiraud-Weber 1984: 81].

струкции может относиться и к говорящему, и к адресату речи, и к третьему лицу, демагогически использует в пьесе Е. Шварца «Дракон» Бургомистр, не желающий уточнить, кто победил дракона — он, Ланцелот или кто-то третий: *...После того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит. Если бы он сказал: ...после того, как дракона убили, — его демагогическая цель не была бы достигнута, потому что было бы ясно, что он признает: победителем дракона не является он сам. Таким образом, несмотря на отмечаемое в литературе (см., в частности, [Виноградов 1947: 461; Храковский 1970]) некоторое сходство неопределенно-личных и пассивных предложений, значения, передаваемые этими предложениями, не вполне тождественны²⁰¹.*

С другой стороны, в принципе возможны высказывания, в которых $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ реально соотносится с говорящим; но показательно, что именно в таких высказываниях эффект «отчуждения» становится особенно явным и отчетливо ощущается, что говорящий становится на точку зрения другого лица. Так, именно этот эффект возникает, когда Н. Ильина следующим образом комментирует запись из дневника А. А. Реформатского («Вчера Н. И. вернулась поздно и ругала фильм. Я радовался сему»): *Родовался. О с т а в и л и его одного, п о б е ж а л и развлекаться, а н не получилось.* Ср. аналогичный пример:

Однажды мне захотелось сказать ей, что в присутствии своей матери и ее знакомых я всегда помню, что они взрослые... и веду себя с ними соответственно, а ее, Катерину Ивановну, хотя она и близка к ним по возрасту, ее я воспринимаю иначе, мне с ней легко, как со сверстницей... *Слушали меня холодно, глядели отчужденно... Позже я догадалась, в чем дело. Она привыкла ходить в молодых... ей не нравилось, что ее запикивают во*

²⁰¹ Другое отличие пассивных конструкций от неопределенно-личных состоит в том, что они не передают значения «личности» [Мельчук 1974]: предложение *Он был исцарапан* ничего не говорит о том, кем или чем он был исцарапан (людьми, или животными, или стихиями), но предложение *Его исцарапали* сообщает, что субъектом действия были люди. Можно добавить, что использование $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ с референцией к животному приводит к комическому эффекту, как в примере из работы [Шмелев 1961: 56]: *Княжна же во все время визита неукротимого бульдога кричала, как будто ее уж съели* (Ф. Достоевский). Ср. эффект персонификации при соотносении $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ со «стихиями»: *Я понимаю, что трудно не обижаться, когда вас бьют по лицу, суют за ворот снег, толкают в сугроб, но ведь буря это делает без всякой злобы, нечаянно* (Е. Шварц). Заметим, что в художественных произведениях, в которых героями являются животные, соответствующий запрет может сниматься. Ср. примеры из рассказа Чехова «Белолобый»: *Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки. и когда она не так давно пробежала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву блябли; Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал... подходить к волчатам.*

«взрослые»... ей не нравилось, что ее громоздят на одну ступеньку с моей матерью, — та была на семь лет старше Катерины Ивановны.

(Н. Ильина).

В предложении *Слушали меня холодно, глядели отчужденно* субъект, выраженный нулевым местоимением, кореферентен используемым в этом же тексте именным группам *Катерина Ивановна*, *она*, *ей*, *ее* и противопоставлен говорящему (выраженному местоимением первого лица). Но в последнем предложении отрывка автор переходит на «ее» точку зрения (*ей не нравилось*), поэтому в категории «других», противопоставленных лицу, находящемуся в фокусе эмпирии, теперь уже попадает автор, и это дает возможность относить к нему глагольные формы *запикивают*, *громоздят*.

3. МЕСТОИМЕНА В ОБОБЩЕННОМ ЗНАЧЕНИИ: РАЗНЫЕ ТИПЫ ОБОБЩЕННОСТИ

Из всего сказанного вытекает семантическая противопоставленность $\mathcal{O}/\text{ты}$ и $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ даже в тех случаях, когда $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ употребляется обобщенно, т. е. с генерализованной референцией. Семантическое различие этих местоимений обусловлено двумя факторами.

Во-первых, $\mathcal{O}/\text{ты}$ указывает на протагониста, а $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ — на «посторонних». Это различие особенно очевидно в оценочных предложениях типа:

- (1) Обидно, когда ничего не слышишь;
- (2) Обидно, когда тебя не слышат.

Ясно, что дейктический центр, протагонист — это субъект оценки. В (1) этот субъект соответствует подлежащему, «выраженному» нулевым местоимением 2-го лица единственного числа, в (2) — объекту глагола (т. е. косвенному падежу того же местоимения $\mathcal{O}/\text{ты}$); субъект же, на которого указывает $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$, — это «другие», отличные от протагониста люди, что совершенно ясно доказывается инфинитивно-трансформацией:

- (1') Обидно ничего не слышать;
- (2') Обидно быть неуслышанным.

Точно так же *Тоскливо, когда (ты) никого не любишь* понимается как «Человеку тоскливо, когда он никого не любит»; *Тоскливо, когда тебя не любят* — как «Человеку тоскливо, когда его не любят другие», а *Тоскливо, когда никого не любят* аномально, так как непонятна причина тоски (субъект оценки никак не участвует в ситу-

ции, описываемой придаточным предложением). То же соотношение имеет место в парах: *Неприятно, когда тебя обманывают.* — *Неприятно, когда обманываешь того, кто верит каждому твоему слову* (А. Вампилов); *Счастье — это когда тебя любят.* — *Счастье — это когда любишь* и т. п. Семантическое противопоставление *О/ты* и генерализованного $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ отчетливо видно в примере из Цветаевой: *В каждом играющем детстве... четыре рояля. Во-первых, — тот, за которым сидишь. Во-вторых, за которым сидят...* (т. е. один, за которым сидит протагонист, «я», и другой, за которым сидят «другие»).

Второй фактор, обуславливающий смысловое различие *О/ты* и генерализованного $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$, — это различие в типе обобщения. Использование *О/ты* всегда предполагает обобщение единичных однотипных ситуаций, генерализованное $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ может выступать в роли субъекта общего суждения²⁰². С этим связано и различие модальных интерпретаций соответствующих высказываний: высказывания с *О/ты* в роли субъекта понимаются алетически, высказывания с субъектом $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ — деонтически. Это ясно видно в пословицах, ср.: *Тише едешь — дальше будешь*, — алетическое условие (если ехать медленно, удастся проехать больше); *Скоро бегут — дальних не ждут*, — деонтическое условие (если быстро бежать, разрешается или даже следует не ждать отстающих).

Не случайным является и противопоставление по виду, ср.: *С начальством не поспоришь* (алетическая невозможность), но *С начальством не спорят* (деонтическое правило)²⁰³. Предложение *С начальством не споришь* возможно только в контексте эксплицитного или скрытого дезактуализатора (*В такой ситуации с начальством не споришь, а делаешь, как приказано*). Вообще, как уже говорилось, «обобщенно-личные предикаты» (с субъектом *О/ты*) возможны только в том случае, когда в содержании предложения одновременно представлены и конкретные обобщаемые ситуации, и само обобщение. С этим связано то, что они охотно используются в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и условия, с дезактуализаторами типа *бывало* и т. п. Обстоятельства места в сочетании с такими предикатами также понимаются как указание на время или условие: *В этом доме куришь не переставая.* = «Когда бываешь в этом доме, куришь не переставая». = «Человек, попадая в этот дом, курит не переставая». Ср.: *В этом доме курят не переставая*, — речь идет не о

²⁰² Этот фактор связан с первым — ведь протагонист, наличие которого необходимо для корректного употребления *О/ты*, возникает лишь в конкретной единичной ситуации, которая может подвергаться обобщению.

²⁰³ Сходную функцию выполняет видовое противопоставление и в инфинитиве, ср.: *С начальством не поспоришь* (невозможность). — *С начальством не спорить!* (запрет); *Петю не узнать* («невозможно узнать»). — *Петю не узнавать* (предписание «не узнавать», т. е. очевидно, делать вид, что не узнаешь).

наблюдателе, попадающем в дом, а о людях, живущих или находящихся в доме.

Особенно наглядно видна разница в референциальных свойствах *О/ты* и $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ при их столкновении в составе одного текста: *Там городе, ни мебели, ни прислуги... все на дачу увезли... питаешь черт знает чем* (А. Чехов); *Все кажется печальным, но уютным как в детстве, когда накажут ни за что ни про что, а потом жалеют, утешают, сказку рассказывают* (Е. Шварц). В последнем примере *О/ты* (в нулевом варианте) является объектом глаголов, имеющих в качестве субъекта $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$: *накажут, жалеют, утешают* (и являются объектом глагола *рассказывают*); возможно было бы и использование ненулевого варианта: *...когда тебя накажут... а потом тебе сказку рассказывают*.

Иногда факторы, определяющие употребление местоимений *О/ты* и $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$, вступают в противоречие, так что возникает «неразрешимая» коллизия. Так, не вполне безупречно соединение в одном сложноподчиненном предложении двух простых, в первом из которых подлежащее выражено *О/ты*, а во втором — $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$: *А зачем себя застрелил? — Он был очень влюблен, а когда очень влюблен всегда стреляют себя* (фраза, сказанная персонажем И. Бунина). Действительно, субъекты обеих частей сложноподчиненной конструкции здесь предполагаются кореферентными; однако *О/ты* и $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ не могут быть кореферентны, поскольку *О/ты* всегда относится к протагонисту, а $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ — к «другим». С другой стороны, не вполне ясно, как можно было бы «исправить» это предложение. «Отчуждение референта, удаление его из фокуса эмпатии, которое имело бы место при использовании в обоих случаях $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$, не соответствует предполагаемой установке на объяснение внутреннего состояния влюбленного» (ср. рассмотренный выше пример из Шкловского). С другой стороны, замена $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ на *О/ты* произвела бы комический эффект: *Когда очень влюблен, всегда стреляешься*. Дело в том, что эмпатия предполагала бы какую-то апелляцию к личному опыту коммуникантов, явно неуместную в случае такого действия, как *стреляться*.

4. *О/ТЫ* И $\mathcal{O}_{3\text{МН}}$ В СИСТЕМЕ РУССКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Таким образом, система русских личных местоимений должна включать, по меньшей мере, следующие компоненты:

- 1) местоимения единственного числа — *я*; «адресатное» *ты*; «обобщенно-личное» *О/ты*;
- 2) местоимения множественного числа — *мы*; «множественное» *вы*, используемое при обращении к нескольким ли-